

УДК 378

ЗАБЫТЫЕ ВУЗЫ: ИЗ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 1930-х ГОДОВ

М. Д. Карпачёв

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2011 г.

Аннотация: в статье освещаются малоизвестные страницы истории воронежской высшей школы. Отражено зарождение высшего экономического образования сначала в Воронежском университете, а затем в отдельном отраслевом вузе.

Ключевые слова: Воронежская область, 1930-е годы, высшее образование, экономическое образование.

Abstract: the article is devoted to important but almost forgotten pages of the history of higher education in the Voronezh region in the 1930s. The paper describes the early history of economic education in Voronezh State University.

Key words: Voronezh region, the 1930s, higher education, economic education.

В истории воронежской высшей школы немало поучительных, но, увы, почти забытых страниц. В 1930-е гг. в Советском Союзе проходила грандиозная реконструкция всех сторон экономической, социальной и культурной жизни. В годы первых пятилеток, как утверждали официальные документы, завершалось построение основ социалистического общества. Курс на форсированную индустриализацию народного хозяйства, принятый руководством ВКП(б), сопровождался крупными переменами в жизни советской высшей школы. В СССР началось ускоренное создание большой сети отраслевых институтов, главной задачей которых являлась подготовка специалистов определенного профиля. В 1929 г. на одном из пленумов ЦК ВКП(б) было даже принято решение о расформировании университетов как устаревших учебных заведений и об образовании на их основе факультетов самостоятельных вузов. Предполагалось, что в отраслевых институтах будет обеспечена более тесная связь обучения студентов с практическими задачами социалистического строительства. Медлить с выполнением партийных постановлений в ту пору было не принято, и в стране началась кампания по разукрупнению многопрофильных вузов, в первую очередь университетов.

Угроза такой реорганизации нависла и над Воронежским университетом. В 1920-е гг. единственный университет в Центральном Черноземье

состоял из двух факультетов: педагогического и медицинского. Но в 1930-м г. в его составе появились два новых факультета: химико-биологический и экономический. Оба подразделения были открыты в связи с особенностями первого пятилетнего плана, предусматривавшего быстрый рост в регионе социалистического сектора экономики, химической промышленности и сельского хозяйства [1, с. 153–159]. Однако дальнейшее развитие университета по названной выше причине было приостановлено. В январе 1931 г. из ВГУ был выделен крупнейший в ту пору медицинский факультет, на базе которого был торжественно открыт Воронежский медицинский институт. В сентябре того же года было принято правительственное постановление об организации на основе ликвидировавшегося педагогического факультета ВГУ самостоятельного педагогического вуза, первоначально получившего название Воронежского аграрно-педагогического института им. М. Н. Покровского [2, с. 21].

Экономический же факультет просуществовал в составе довоенного ВГУ чуть больше года. Учрежден он был в январе 1930 г. (его торжественное открытие состоялось 1 января – в ту пору этот день был рабочим). Создавался новый факультет при поддержке руководства ЦЧО и должен был состоять из трех отделений: промышленного, счетно-финансового и торгово-кооперативного. Уже на первом собрании в актовом зале университета только что назначенный заведующий факультетом (так в ту пору именовался декан)

В. П. Кустов объявил о зачислении на первый курс 91 студента. Подавляющее большинство из вновь зачисленных, с гордостью поведал декан, составляли дети рабочих и крестьянской бедноты, при этом 66 первокурсников были членами партии или комсомола. По социальному составу экономический факультет был сразу же признан лучшим в университете [3]. В 1931 г. план приема на первый курс составлял 60 человек.

Однако учебный процесс на новом факультете налаживался с большими трудностями. Не хватало знающих педагогов, очень большой была текучесть кадров. За первые месяцы сменились, по меньшей мере, трое заведующих (Кустов, Хаустов, Абрамов), а руководители университета никак не могли определить точный профиль подготовки экономистов. Не хватало учебных пособий и утвержденных программ, срывалась производственная практика, не было порядка в расписании занятий. Через год с небольшим после открытия факультета, 9 марта 1931 г., бюро партийной ячейки его промышленного отделения вынесло строгое решение: «Считать, что со стороны дирекции университета проявлена полная бездеятельность по отношению к факультету, что партбюро квалифицирует как игнорирование выполнения решения партии о подготовке кадров, что ясно выражает провал дела на практике и просит партбюро ВГУ на ближайшем заседании заслушать доклад о перспективах экфака и привлечь к партийной ответственности директора университета Сапожникова и бывшего заведующего экфака Хаустова за развал факультета» [4, л. 38].

Столь резкий выпад в адрес директора объяснялся политической обстановкой того времени. На экономфаке хорошо знали, что Сапожников был одним из работников, близких к Н. И. Бухарину. Между тем против Бухарина и так называемых правых уклонистов тогда велась сильная атака со стороны сталинского руководства. Поэтому обвинять директора в срыве партийных решений было просто.

Впрочем, к тому времени стало ясно, что новый факультет будет выведен из университета. Местными властями готовилось решение о создании на его основе планово-экономического института. Желание создать новый институт президиум облисполкома ЦЧО выразил еще 22 декабря 1930 г. В принятом тогда постановлении говорилось: «Принимая во внимание огромную нужду хозяйства ЦЧО в пролетарских кадрах плановиков-экономистов, особенно выявившуюся в связи с раскрытием контрреволюционных организаций (имелись в виду широко известные тогда шахтинское дело и дело так называемой «Промпартии».

– М. К.), доказывавших большую засоренность органов планирования и учета чуждыми элементами, признать необходимой реорганизацию экономического факультета ВГУ в планово-экономический институт в составе трех факультетов: промышленности и транспорта, обмена и распределения, культуры и кадров» [5, л. 73]. Стремясь ускорить выполнение этого постановления, партийное бюро экономистов 19 марта 1931 г. постановило: «Просить партколлектив поставить вопрос перед дирекцией о немедленном командировании в Москву представителей дирекции и студенчества по вопросу реорганизации экфака в отраслевой вуз» [4, л. 56].

Спустя полгода, а точнее 1 августа 1931 г., состоялось и правительственное решение. В информации П. Ф. Сапожникова, опубликованной в областной газете, говорилось, что новый планово-экономический институт войдет в систему вузов Госплана СССР. При этом счетно-финансовое отделение экономфака предполагалось использовать для организации еще одного вуза – финансово-экономического института с передачей его в ведение Наркомата финансов СССР [6]. (Вскоре такой институт действительно был организован, правда, не в Воронеже, а в Саратове.)

Поначалу институт именовался планово-экономическим и был размещен в небольшом двухэтажном корпусе по ул. Ф. Энгельса, д. 5. Первым директором нового вуза был назначен В. Н. Станкевич. С октября 1931 г. стала выходить многотиражная газета «Плановик». В составе института было четыре отделения. Набор студентов шел через специальные комиссии райкомов ВКП(б).

Заведовать отделением планирования промышленности стал И. К. Печуров. Решено было также создать отделение планирования сельского хозяйства. Примечательно, что на должность заведующего отделением планирования обмена и распределения подходящего преподавателя поначалу не нашлось, и обязанности заведующего был назначен исполнять студент-коммунист М. Г. Чиркин [4, л. 112]. Впрочем, в те годы партийная принадлежность нередко ценилась больше, чем академический статус, например, одним из первых директоров Воронежского инженерно-строительного института тоже был студент-коммунист [7, с. 12]. С 1932 г. в институте появилось отделение планирования торговли и снабжения. Было еще и финансовое отделение, на которое набор студентов не проводился, поскольку на нем должны были «доучиться» студенты бывшего отделения экономфака. В 1933 г. группа студентов этого отделения была переведена в Ленинградский финансово-экономический институт. Пред-

полагалось, что новый вуз будет готовить экономистов-плановиков ведущих отраслей народного хозяйства, однако вскоре профиль института пришлось корректировать.

С октября 1932 г. по постановлению правительства вуз был реорганизован в Институт народно-хозяйственного учета и передан в ведение Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР. Вместо отделений в составе института появились два факультета: плановый и учетно-экономический – последний считался основным. Соответственно главной задачей вуза стала подготовка специалистов в области учета экономической деятельности. Плановый факультет постепенно сворачивал свою деятельность – в 1934 г. был произведен последний набор студентов, а в 1937 г. прошел последний выпуск экономистов-плановиков. Изменилось и название многотиражной газеты: она стала называться «За план и учет» и выходила как пятидневная.

Жизнь института налаживалась с трудом. Средств не хватало даже на элементарное обустройство быта. В студенческом общежитии – бедность и ее неизменные спутники: антисанитария и инфекции. Общее количество студентов на 1 сентября 1934 г. составляло в институте 363 человека, а на 1 сентября 1935 г. – 320 человек. Сокращение произошло за счет постепенной ликвидации планового факультета. Преподавательский состав в 1934 г. насчитывал 29 человек, а в 1935 – 30 [8, л. 1]. Выпуски специалистов из ИНХУ были немногочисленными. В 1932 г. было выпущено 67 человек, в 1933 – 41, в 1934 – 75, в 1935 – 65, в 1936 – 96, в 1937 – 75, в 1938 – 193. Затем, вплоть до ликвидации института в 1941 г., выпускалось около 200 специалистов народно-хозяйственного учета ежегодно. Кафедру народно-хозяйственного учета возглавил известный в ту пору в Воронеже профессор А. Н. Татарчуков, кафедру народно-хозяйственного планирования – авторитетный специалист в области экономики аграрных отношений профессор П. Н. Першин, кафедру математики – профессор А. И. Петренко, кафедру экономической политики – профессор А. А. Андреев, кафедру диалектического материализма и ленинизма – профессор И. П. Тарадин.

Общие для страны продовольственные трудности заставляли коллектив заниматься не только учебными или научными делами. При институте имелось подсобное хозяйство, без которого очень трудно было обеспечивать студентов и сотрудников даже минимальным продовольственным пайком. Хозяйство это располагало 350 га земли, 13 лошадьми, 20 ульями, 34 свиньями. Работали в хозяйстве, разумеется, студенты.

Естественно, не проходили мимо института тяготы и лишения, переживаемые всей страной. Голод в деревне ЦЧО, разразившийся в 1932–1933 гг., наложил свой горький отпечаток на ход учебного процесса. Например, студент Лозовский весной 1933 г. на 2 месяца самовольно уехал на посевную кампанию, объяснив свой поступок тем, что мать голодает, и он не может этого допустить [9, л. 22]. Примечательно, что обеспечение студентов питанием использовалось в качестве своеобразного стимула в организации учебного процесса. Партийный комитет, в частности, поручил директору «проработать вопрос об организации стола ударника учебы при столовой с лучшим качеством обедов» [9, л. 124]. Каким после этого стало питание отличников, можно только гадать. Прочим же студентам приходилось жить впроголодь. На собрании партячейки студент Ф. Мироненко 2 февраля 1933 г. прямо заявил: «Я и другие студенты не можем существовать на 300 граммов хлеба и капусты, и потому я подал заявление об отпуске, считая, что Республике будет лучше, если я уйду и сохраню свое здоровье» [9, л. 25]. В то тяжелое время секретарь партийной организации Рухленко признавал: «Наметились нездоровые явления в институте, и лучшая часть комсомольцев и партийцев под предлогом материальной необеспеченности уходит из института» [там же]. В голодном 1932/33 учебном году из института отселялось 28,8 % студенческого контингента, при этом за неуспеваемость было отчислено только 3,4 % [9, л. 59].

В начале 1933 г. В. Н. Станкевича, не справлявшегося с трудностями становления, сменил бывший директор Воронежского медицинского института Эленберг. Однако том же году его сменил третий по счету руководитель – И. А. Мирошниченко. При нем работа института постепенно стабилизировалась, укрепился кадровый состав и определился учебный профиль подготовки специалистов по учету экономической деятельности предприятий и плановиков. При институте действовал также техникум народно-хозяйственного учета, занятия в котором поначалу проходили в одном с вузом здании, но в вечернее время. В 1934 г. техникум переехал в другое помещение – на ул. 9 января, д. 47. Кроме того, в г. Рассказово был открыт институтский рабфак.

Тяжелый отпечаток на деятельность института наложила политическая обстановка тех лет. Масовым репрессиям подверглись тогда работники практически всех воронежских вузов, но небольшому коллективу ВИНХУ достались особенно суровые гонения. Объяснялось это самим профилем вуза. Вопросы экономического развития яв-

лялись предметом острых споров, разногласий и напряженной внутривластной борьбы. Правые и левые уклонисты от генерального курса партии начали обнаруживаться в институте с первых лет его существования. Во второй половине 1930-х гг. подлинные и мнимые оппоненты политики сталинского руководства стали с неумолимой жестокостью зачисляться во враги народа. Как следует из обзора Воронежского областного комитета ВКП(б), составленного летом 1938 г., в институте «долгое время орудовали враги народа и вражеской подрывной работой были поражены важнейшие кафедры института». В числе таких врагов народа назывались профессор А. Н. Татарчуков, заведующий кафедрой народно-хозяйственного планирования Н. И. Страутнек, заведующий кафедрой диалектического материализма и политэкономии А. Н. Дроздова. Среди репрессированных оказался и помощник директора института по техникуму, ассистент кафедры философии С. А. Иванов. Тучи над этим сотрудником сгущались уже давно. В середине 1930-х гг. он был секретарем парткома ВГУ, работал вместе с репрессированным директором ВГУ А. Я. Нориным и обвинялся в давней приверженности идеям Н. И. Бухарина [10, с. 42].

Был репрессирован и директор И. А. Мирошниченко. Политические нападки на него начались в духе того времени еще в 1933 г., когда студент-коммунист Щенников сколотил группу единомышленников и на партийном собрании повел атаку на Мирошниченко и на некоторых членов партбюро как на «пробравшихся троцкистов и вредителей». В июле 1937 г. Мирошниченко был арестован. Несколько месяцев обязанности директора выполнял доцент Т. И. Козлов, затем около 8 месяцев – доцент Б. М. Бернадинер, а в середине 1938 г. директором института был назначен партийный работник Г. Г. Крыгин.

Волны репрессий и гонений обескровливали небольшой коллектив. Печальное состояние ВИНХУ в феврале 1937 г. отметила областная газета в статье под красноречивым заглавием «Захиревший институт». К тому времени вуз оказался в труднейшей кадровой ситуации. В нем не было ни одного преподавателя, имеющего ученую степень, а ведущая и профилирующая кафедра народно-хозяйственного планирования вовсе не имела преподавателей, все они были уволены «по тем или иным причинам». Между тем на этой кафедре работал профессор П. Н. Першин. Сам Першин заявил, что он ушел из института потому, что ему не дали квартиру. По мнению же корреспондента партийной газеты, ученый «оказался просто не ко двору в институте, где начали вить свои гнезда троцкистские двурушники и предате-

ли» [11]. К тому времени из института уволили и подвергли репрессиям Романенко, Очнева, Лютикова, Баканова, Бодренко, Розовского, Сапирштейна, Ермишина, Гладких, Андреева и некоторых других работников. Кстати говоря, А. А. Андреев до прихода в ВИНХУ работал директором Воронежского СХИ и был известным в ЦЧО специалистом в области планирования экономики [12, с. 504].

В начале 1937 г. был уволен из института и вскоре расстрелян профессор А. Н. Татарчуков. Этот известный специалист был в свое время близок к меньшевикам и давно находился под подозрением [13]. Никаких враждебных советской власти действий уже весьма пожилой ученый не предпринимал. Но и в преданности идеям марксизма-ленинизма не клялся, что вызывало по отношению к нему периодические нападки со стороны не в меру ретивых строителей нового общества. Когда в начале 1937 г. нападки стали усиливаться, Татарчуков обратился в партком ВИНХУ со следующим заявлением: «25 февраля т. Соколов, начальник управления учебных заведений ЦУНХУ, сообщил мне, что выдвинутые против меня обвинения, он после проверки признал не заслуживающими внимания и что он выражает не только свое мнение, но и мнение Воронежского обкома ВКП(б), а на другой день утром в “Коммуне” 26 февраля однако было воспроизведено то самое обвинение, которое накануне было отвергнуто. Я снова беседовал с т. Соколовым, он подтвердил свое решение. Тогда я обратился к т. Елозо (ответственному работнику обкома партии. – М. К.), последний обещал выяснить вопрос путем беседы с т. Соколовым. Т. Соколов обещал приехать 4-го, но сегодня 19-е марта, его нет, а порочащее меня сообщение остается, позоря и меня, и, частично, институт. Прошу вас выяснить с т. Елозо этот вопрос, сообщить ему заключение т. Соколова, согласованное с обкомом партии и просить его найти необходимые способы для моей реабилитации» [14, л. 41]. Однако в 1937 г. любые реабилитирующие аргументы помогали плохо. Отсутствие вины бывшему меньшевику помочь уже не могло.

В том же году жертвой репрессий стала заведующая кафедрой политэкономии А. Н. Дроздова, работавшая до перехода в ВИНХУ директором Воронежского института марксизма-ленинизма. Аресту, как часто бывало, предшествовало партийное взыскание. Суровое решение партийного бюро гласило: «За либеральное отношение к врагу народа Мирошниченко во время работы зав. кафедрой политэкономии ВИНХУ, за восхваление своего мужа врага народа Бажанова – Дроздову Александру Николаевну, 1900 г. рождения, члена ВКП(б) с 1918 г., из рядов ВКП(б) исключить»

[15, л. 19]. Между тем за либеральное отношение к своему директору можно было при желании наказать почти всех сотрудников института. По всей видимости, самый тяжкий грех Дроздовой заключался в попытке защитить от гонений своего мужа.

Репрессировали в ту пору не только по политическим мотивам, их жертвой легко можно было стать и за сокрытие чуждого социального происхождения. Так, ассистент С. А. Чунихин был изгнан с кафедры советского хозяйства и с должности заведующего кадрами за сокрытие социального происхождения: его родители оказались богатыми крестьянами с наделом в 25 га [9, л. 25].

Тем не менее новый институт медленно, но все же развивался. Постепенно росла его материальная база. К 1940 г. общий размер учебных площадей составил почти 3,5 тыс. кв. метров и увеличился, по сравнению с 1931 г., почти в три раза. В 1937 г. было введено в строй новое общежитие, в котором проживали около 270 студентов. В 1938 г. институт располагал библиотекой на 75 тыс. книг, 2 читальными залами, 12 кабинетами, 3 лабораториями. К марту 1933 г. в институте было 10 кафедр, из которых 7 возглавляли профессора, а в 1940 г. число кафедр достигло 17, но количество профессоров сократилось до 5. Острый недостаток научно-педагогических кадров частично компенсировался присылаемыми по распоряжениям ЦУНХУ отдельными работниками из столицы. Так, 4 месяца курс народно-хозяйственного учета читал доцент Бастраков из Московского института народно-хозяйственного учета. С этим столичным вузом ВИНХУ заключил договор о сотрудничестве и социалистическом соревновании.

Подготовка специалистов в области социалистической экономики оказалась делом новым и весьма специфическим. Педагогам института было непросто определить точный профиль своих выпускников. Поиски оптимального решения на этот счет шли непрерывно. Даже спустя почти десять лет после организации вуза его руководители продолжали обсуждать эту проблему. Так, 5 апреля 1940 г. партбюро заслушало доклад директора Г. Г. Крыгина, который признал, что молодые факультеты вуза «не могли сразу определить точный профиль института, и в течение ряда лет происходила реорганизация внутри факультетов». Сначала, говорил директор, в институте действовала «синтетическая» система образования, когда готовили специалистов по всем вопросам учета и статистики, но к середине 1930-х гг. были введены отдельные специальности промышленной статистики и статистики сельскохозяйственной. Это привело к созданию отдельных факультетов:

статистики и учета промышленности, статистики и учета сельского хозяйства, статистики и учета торговли. К 1940 г. был учрежден и демографический факультет, готовивший специалистов по учету населения [16, л. 52]. Общая численность студентов ИНХУ к тому времени колебалась от 380 до 450 человек. Например, по официальным данным на октябрь 1938 г. в институте числилось 446 студентов, из них на 1 курсе – 209, на 2 – 115, на 3 – 72 и на 4 – 50. Преподавателей трудилось 42, из них 3 профессора, 7 доцентов [17, л. 1]. Однако с набором дела все время шли неважно. План приема выполнялся с трудом, причем нередко за счет абитуриентов, не прошедших в другие, в то время более престижные вузы.

В учебном плане всех факультетов 720 часов (или 19 % учебного времени) занимали общеобразовательные дисциплины, около 1000 часов (25 %) отводилось социально-экономическому циклу, планово-экономический цикл занимал 8 % времени, счетно-аналитические дисциплины – 11 % и предметы специального статистического цикла – 19–20 % учебного плана. На демографическом факультете около 200 часов отводилось изучению эпидемиологии и санитарного дела. Впрочем, этот только что открытый факультет сразу же вызвал сомнения у самого руководства ВИНХУ. Выступая в апреле 1940 г. с анализом деятельности института, директор Крыгин заявил, что новый факультет введен «с недостаточной продуманностью». Таких специалистов стране требовалось совсем немного [16, л. 53].

К 1941 г. в жизни ВИНХУ наметилась тенденция стабилизации. Более устойчивым стал учебный процесс, постепенно улучшалась и кадровая ситуация. Первые кандидатские диссертации по экономическим наукам защитили С. В. Гранский, Т. И. Козлов и С. Д. Никитин [17, л. 3]. Институт вполне мог наращивать свою деятельность. Во всяком случае, план приема на 1 курс оставался на достаточно высоком уровне – 200 человек. Однако все карты спутала начавшаяся война. В связи с мобилизацией военнообязанных и добровольцев резко сократился состав студентов и сотрудников. В результате в первый военный год было принято решение о слиянии вуза с Воронежским университетом и о восстановлении таким образом в ВГУ экономического факультета. А в 1942 г. в условиях спешной эвакуации Воронежского университета в Татарстан этот факультет прекратил свою деятельность: в Елабуге просто не оказалось ни преподавателей, ни студентов бывшего ВИНХУ. Восстанавливать экономический факультет пришлось уже в конце 1950-х гг. Но это уже совсем другая история.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпачёв М. Д. Воронежский университет : вехи истории. – Воронеж, 2003.
2. Воронежский государственный педагогический университет : время, события, люди. – Воронеж, 2006.
3. Коммуна. – 1930. – 4 янв.
4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Государственный архив Воронежской области. – Ф. 1439. – Оп. 8. – Д. 4.
6. Сапожников П. Ф. ВГУ на новых путях // Коммуна. – 1931. – 7 авг.
7. Загуменная М. Г. История развития подготовки инженерно-строительных кадров в вузах Центрального Черноземья. – Воронеж, 2005.
8. ГАОПИ ВО. – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 14.
9. ГАОПИ ВО. – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 8.
10. Воронежские сталинские списки. Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области. – Воронеж, 2006. – Т. 1.
11. Захиревский институт // Коммуна. – 1937. – 25 февр.
12. Шевченко В. Е. Первый вуз Центрального Черноземья России / С. И. Филоненко, В. Н. Плаксин, В. И. Логунов. – Воронеж, 2002.
13. Акинъшин А. Н. Два свидетельства об одной смерти // Из небытия. Воронежцы в тисках сталинщины. – Воронеж, 1992. – С. 28–50.
14. ГАОПИ ВО. – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 20.
15. ГАОПИ ВО. – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 22.
16. ГАОПИ ВО. – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 31.
17. ГАОПИ ВО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 2457.

Воронежский государственный университет

*Карпачёв М. Д., доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории России*

E-mail: m-karpach@mail.ru

Тел.: 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

*Karpachev M. D., Doctor of the Historical Science,
Professor, Head of the Russian History Department*

E-mail: m-karpach@mail.ru

Tel.: 8(473) 224-75-14